

ИНДИВИД В КОНТЕКСТЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ И ПРОПАГАНДЫ ЗАНЯТОСТИ И ПЕРЕУТОМЛЕНИЯ

Д. И. Чулков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Аннотация: на фоне изменений в социально-политических процессах происходит переосмысление ценности наемного труда, что обуславливает актуальность исследований на данную тему. Настоящая статья посвящена анализу феноменов неолиберальной манипуляции и пропаганды культуры занятости и переутомления. В статье кратко показано, как переход от послевоенного кейнсианского капитализма государства всеобщего благосостояния к неолиберализму сделал акцент на максимизации прибыльности. Подобная политика отрицательно влияет на рабочих, вызывая психологические расстройства, нестабильность, давление и негативную рабочую среду. Автор приходит к выводу, что занятость в современном мире стала формой статуса индивида, мерой его полезности, а также механизмом отчуждения истинных потребностей, что отражается в массовой культуре. В заключение приводятся некоторые инструменты противодействия информационно-коммуникационному воздействию в экономической сфере.

Ключевые слова: манипуляция, пропаганда, занятость, труд, стресс, государство и бизнес, качество жизни.

Abstract: against the background of ongoing changes in socio-political processes, the value of hired labor is being rethought, which determines the relevance of research on this topic. This article is devoted to the analysis of the phenomena of neoliberal manipulation and propaganda of a culture of employment and overwork. The article briefly shows how the transition from post-war Keynesian capitalism of the welfare state to neoliberalism placed an emphasis on profit maximization. Such policies have a negative impact on workers, causing psychological distress, instability, pressure and a negative work environment. The author comes to the conclusion that employment in the modern world has become a form of the individual's status, a measure of his usefulness, as well as a mechanism for alienating true needs, which is reflected in popular culture. In conclusion, some tools are given to counter the information and communication impact in the economic sphere.

Key words: manipulation, propaganda, employment, labor, stress, state and business, quality of life.

В процессе политического управления применяются методы скрытого воздействия на процессы мышления целевых групп – манипуляция. По мнению Э. Аронсона и Э. Пратканиса, «ежедневно нас буквально бомбардируют непрерывные потоки убеждающих сообщений. Причем чаще всего на нас влияют не логическими аргументами, а манипуляцией символами и нашими наиболее глубокими человеческими эмоциями» [1, с. 23].

А. И. Соловьев охарактеризовал манипулирование как «особого вида информационное воздействие, направленное на сокрытие коммуникатором собственных целей, но при этом возбуждающее у объекта манипулятивного воздействия намерения, совпадающие не с его собственными желаниями, а с интересами данного коммуникатора. Иными словами, манипулирование – это тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относя-

щийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов» [2, с. 469].

Кроме того, процессы любого управления, включая политическое, осуществляются в определенном ценностно-смысловом пространстве, которое определяет содержание и особенности управления. Ценности и смыслы политического управления выступают важным фактором в процессе формирования целей и интерпретации результатов управленческой деятельности.

В свою очередь, ценностно-смысловые компоненты напрямую влияют на восприятие гражданами социально-политической реальности и формирование моделей политического поведения. Ввиду этого желание формировать, распространять и защищать определенный набор ценностей и смыслов всегда было одной из основных задач политических интеллигентов.

Пропаганда – неолатинское слово, которое происходит от старолатинского глагола «propago» («распространять», «преумножать», «размножать», «увеличивать»). Основываясь на существующих подходах,

под политической пропагандой мы понимаем целенаправленную информационно-коммуникационную деятельность, направленную на формирование в общественном мышлении и распространение в политическом пространстве определенных ценностных и смысловых установок, поведенческих моделей, символов, идей, стереотипов и представлений о политической действительности, а также когнитивных стратегий восприятия мира, необходимых для управления системой отношений между различными политическими акторами и конструирования необходимого субъектам пропагандистского воздействия понимания социально-политической реальности [3, с. 3–4]. На наш взгляд, пропаганда направлена только на продвижение интересов пропагандиста, которые индифферентны или даже противоречат интересам аудитории.

Новые механизмы коммуникации, горизонтальное взаимодействие между пользователями, возможность использования мультимедийных инструментов значительно увеличивают пропагандистский потенциал Интернета как пространства политических коммуникаций.

Ключевые форматы потребления информации активно проникают из экономической сферы в публичное пространство. Можно сказать, что современный мир характеризуется как универсальное пространство массового производства и потребления медиапродуктов, подменяющих собой реальность и обладающих такими характеристиками, как доступность, удобство, низкая стоимость потребления, высокая скорость, а также высокая привлекательность контента [4]. Однако стоит помнить о том, что подобные материалы содержат в своей структуре также сформированные оценки, суждения и мнения, с помощью которых субъекты коммуникации воздействуют на свою аудиторию.

Дж. Ритцер в своем трактате «Макдональдизация общества 5» указал на глобальный тренд на рационализацию как на процесс повышения «калькулируемости» и управляемости поведением индивидов и институтов [5]. Процесс макдональдизации потребления нацелен на создание и поддержание технологий управления. Эпоха постправды привела к уменьшению значимости проверяемых фактов. Правда больше не является существенной, ее заменила новая (альтернативная) реальность. Это дает людям возможность выбирать реальность, в которой факты, основанные на доказательствах, менее важны, чем существующие убеждения и предрассудки. Эпоха постправды типична для релятивизации. Граница между объективно узнаваемыми фактами и изложением своего мнения размыта.

Мы убеждены, что одним из таких медиаконструктов является также незаметно ставшая нормой

общественной жизни в последние 40 лет культура стресса, занятости и переутомления, под которой мы понимаем более продолжительный рабочий день и дополнительные задачи (часто без дополнительной оплаты), а также условия, при которых работники вынуждены быть готовыми к ненормированному рабочему графику. В широком смысле культура переутомления была заключена в «американской мечте». Однако эта концепция не ограничивается США, проблема является глобальной, поскольку в настоящее время тяжело найти общество, в котором не считалось бы, что люди благодаря упорному труду и решимости могут достичь богатства и более высокого статуса, а следовательно, что наибольшей ценностью обладают те, кто много работают. Занятость в современном мире стала формой статуса индивида, мерой его полезности, а также механизмом отчуждения истинных потребностей. Время, проведенное вне работы, воспринимается как потраченное впустую. У подавляющего числа людей отсутствует альтернатива следованию норме, вне зависимости от политического режима, экономического развития и ценностного набора страны проживания. Такому положению дел способствовал переход от кейнсианской модели экономики к неолиберализму в 1980-х гг. [6, с. 14–22].

Неолиберальными идеалами являются коммерциализация государственных услуг, приватизация государственных активов, конкурентный индивидуализм и свобода капитала для максимизации прибавочной стоимости [7, с. 172]. После наступления неолиберальной эпохи рыночные механизмы все больше проникали в жизнь индивида, особенно в деле организации государственного и частного секторов, делая упор на максимизацию прибыли [8, р. 165]. Перед менеджерами стояли задачи извлечь из работников как можно больше прибыли, устанавливая нереалистичные цели и создавая видимость нормальности культуры переработки и переутомления посредством медиа. Проникновение методов и моделей управления из частного сектора в государственный и околосударственный, внедрение систем подотчетности, протоколов и показателей эффективности негативно повлияли на качество работы, отражая организованное недоверие к персоналу и загружая его административной нагрузкой [9, р. 67–88].

Несмотря на то что контроль сотрудников являлся управленческой заботой на всем протяжении капиталистической системы, акцент на более эффективной работе и максимизации прибыли в ущерб экономическим и социальным интересам работников усилился только в последнее время, что негативно сказывается на здоровье работников [Ibid., р. 81]. Феномен переутомления, ситуация при которой работники работают больше времени и считают это нормой, увеличивался в масштабах в последние де-

сятилетия и становился все большей проблемой международного характера.

Ряд исследователей предполагает, что неолиберализм представляет собой своеобразную контрреволюцию, направленную на восстановление власти, богатства и контроля высших классов. Они указывают на несоответствие неолиберальных идей дерегулированных свободных рынков реальному положению дел [10, с. 60–92]. К примеру, В. Митчелл и Т. Фази называют свободный рынок при неолиберализме мифом, помогающим маскировать роль государства в создании комфортных условий для накопления капитала богатейшими группами людей [11, р. 93–149]. Ж. Мерсиль и Э. Мерфи пишут, что неолиберализм может использовать как рыночные, так и нерыночные механизмы для облегчения возможностей корпоративного богатства [12, р. 41–47]. Б. Файн, А. Саад-Фильо и Б. Джессоп утверждают, что неолиберализм вообще стоит рассматривать не в дуалистических терминах государства и рынка, а как регулярную деятельность правительства по содействию в получении максимальной прибыли ключевыми участниками экономической системы и по содействию защите капитала [13].

Манипулируя общественным мнением, пропагандируя культуру стресса, занятости и переутомления, демонстрируя устойчивость и стабильность неолиберальной системы, органы власти способствовали ее расширению. Особенно это стало заметно после финансового кризиса 2008 г. и начала политики жесткой экономии, которые еще больше усилили экономическое неравенство, отсутствие роста реальных доходов населения и приватизацию. Во время снижения уровня жизни большинства населения земного шара благосостояние самых обеспеченных слоев увеличилось до невиданного с викторианской эпохи уровня [14, р. 3]. Распространяя ценности индивидуализма, конкуренции, потребления и максимизации прибыльности, неолиберальные механизмы все больше проникали на рынки труда. В качестве примеров подобной пропаганды можно привести современные музыкальные композиции, к примеру, David Guetta – Play Hard [15], содержащий призыв «work hard» («работать усердно»), или художественный фильм Miss Sloane [16], повествующий об эффективной и результативной работе американской лоббистки, добивающейся поставленных целей в ущерб как собственного здоровья и личной жизни, так и членов ее команды. Интересно, что даже попытки противодействия неолиберализму (к примеру, российская психологическая драма Духless [17], высмеивающая пороки индивидуализма, карьеризма и консьюмеризма современного общества) могут являться тем, что Р. Пфаллер назвал «интерпассивностью»: продукт капиталистической системы выполняет за людей всю

критическую работу, позволяя им все также бесстыдно потреблять [18, с. 23].

Популяризируя новые «возможности», «меритократию», «личный успех» и «тяжелый труд», идеология неолиберализма утверждает, что современные работники якобы обладают большей властью, свободой и возможностями роста в социальной структуре. Однако вместо этого большинство работников сталкивается лишь с целевыми показателями, многозадачностью и повышенным давлением с результатами в виде психологического стресса, неуверенности, беспокойства, выгорания, нестабильности и переутомления. Механизм получения большего количества денег лишь маскирует желание капитала снизить затраты на рабочую силу и нанимать меньшее количество персонала [8, р. 178]. Такие попытки субъектов предпринимательской деятельности уменьшить расходы на рабочую силу культивируют неэффективность и дефицит квалифицированных кадров в будущем в связи с отсутствием передачи знаний и компетенций новым работникам.

Усиление конкуренции за рабочие места, отказ от контроля безработицы и появление целевых показателей, помимо других структурных изменений, предоставили основным экономическим субъектам дополнительные возможности для дальнейшей эксплуатации рабочей силы. Широкое распространение цикла от безработицы к незащищенной занятости используется работодателями как фоновое условие для дополнительной мотивации со стороны работников подчиняться и перерабатывать. Неолиберализм содержит резервную армию рабочей силы, которую работодатели могут использовать при необходимости с целью замены работников, отказавшихся работать сверхурочно. Особенно страдают от этого процесса мужчины, на которых социум возлагает ответственность за финансовое благополучие семьи [19]. В свою очередь, негативная идеологическая вера в безальтернативность нынешней политико-экономической модели порождает индивида, который эгоистично и цинично приспосабливается к условиям работы из-за чувства политико-экономического бессилия, теряя границу между личной жизнью и работой.

Исследователи полагали, что изменить капитализм и сделать его структурные элементы более децентрализованными могут цифровые технологии. Однако в настоящий момент фирмы часто используют технологии для наблюдения за своими сотрудниками (к примеру, установка камер наблюдения или разработка стандартных показателей), что снижает их свободу на рабочем месте [20]. В настоящее время цифровые технологии часто используются именно для утверждения идеи нормальности неолиберализма, связанного с извлечением и автоматизацией. В то же время технологии можно было бы использовать для

блага – чтобы сделать человеческие задачи менее рутинными и физически сложными, а также более интеллектуально сложными и интересными, побуждая работников использовать свои навыки командной работы, аналитические и творческие навыки решения проблем [21].

Одним из способов перехода к более гуманной экономике является механизм образования и гражданской риторики в этой области, поскольку еще Г. Лассуэлл определял социальный контекст пропаганды как фактор, находящийся вне контроля пропагандиста, и как ключ к ее эффективности (или слабости). «Ее успех зависит от традиционных предубеждений, объективных связей между нациями и изменчивого уровня общественной возбудимости. Как бы ни был искусен пропагандист в организации своего штата, отборе внушений и использовании инструментов их передачи, его манипулятивное мастерство сведется к нулю, если на помощь ему не придет благоприятное стечение социальных сил» [22, с. 205.]. Чтобы пропагандистские кампании имели успех, общественность уже должна быть готова к манипуляциям. Благоприятным условием подобных кампаний является социальная дезорганизация, характеризующая современное общество. Без этого фактора даже самый талантливый пропагандист с большими ресурсами и наилучшими технологиями воздействия потерпит неудачу.

На практике противодействие манипуляции и пропаганде нелиберальной модели экономики может также выражаться в следующем:

1) создание рабочих организаций, в которых сам персонал с самого начала берет на себя ответственность за свою экономическую деятельность [23]. Хотя рабочие кооперативы не так распространены в странах Восточной Европы [24], интерес к ним растет: группы самозанятых начали объединять свои ресурсы, в то время как в платформенной экономике появляются новые бизнес-идеи. Некоторые компании выступили с инициативами, сочетающими участие в прибыли и представительство [23];

2) необходимость установления нового механизма распределения ресурсов в обществе – всеобщего универсального базового дохода [25]. Одно из преимуществ всеобщего базового дохода заключается в том, что он как бы убирает тот экономический кнут, который стоит за индивидом, когда тот делает выбор о том, где работать, сколько работать и как работать. Можно было бы сделать этот выбор более человеко-ориентированным и вдумчивым, а следовательно, эффективным.

Таким образом, занятость стала формой статуса. Это общепринятая сконструированная посредством медиа версия «важности» и «популярности», а также инструмент человеческого разума для работы в усло-

виях неопределенности. Часто, когда люди думают о занятости, им представляются триумфальные успехи в работе. Однако занятость чаще выглядит как одиночество, как разочарование, как жизнь, которую индивид не полностью контролирует. Если человечество когда-либо собирается преуспеть в том, чтобы преодолеть ловушку занятости и переутомления, ему прежде всего необходимо признать, что на самом деле стоит за той занятостью, которая заполняет его дни. Проблема заключается не только в том, что работодатели часто относятся к работникам как к инструменту по созданию прибавочной стоимости, но и работники нередко оценивают самих себя в тех же терминах.

У человека есть внутренняя ценность. Ему приходится зарабатывать, чтобы остаться в живых, но ему не нужно зарабатывать, чтобы чего-то стоить. Он приходит в мир как ценное, целостное, достойное и сознательное существо. Как сформулировал базовый закон нравственности И. Кант, «человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство» [26, с. 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон Э. Эпоха пропаганды : механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Р. Прагганис. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
2. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория. Политические технологии / А. И. Соловьев. – М. : Аспект-Пресс, 2006. – 559 с.
3. Володенков С. В. Потенциал и особенности технологий интернет-пропаганды в современном политическом управлении / С. В. Володенков // Информационные войны. – 2017. – № 2. – С. 2–10.
4. Володенков С. В. Особенности трансформации моделей массового информационного потребления в условиях эволюции технологий политической коммуникации / С. В. Володенков, В. В. Митева // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 122–133.
5. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер. – М. : Праксис, 2011. – 592 с.
6. Харви Д. Краткая история нелиберализма : актуальное прочтение / Д. Харви ; [пер. с англ. Н. С. Брагиной]. – М. : Поколение, 2007. – 285 с.
7. Челищев В. И. Либерализм – нелиберализм – рыночный фундаментализм : от концепции свободы к тоталитарной догме (Окончание) / В. И. Челищев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 1. – С. 156–181.
8. Telford L. Targets and overwork : Neoliberalism and the maximisation of profitability from the workplace / L. Telford, D. Briggs // Capital & Class. – 2021. – № 46 (7). – P. 163–197.
9. Kremer M. Doing Good or Doing Better : Development Policies in a Globalizing World / M. Kremer, P. Liesout, R. Went. – Amsterdam University Press, 2009. – 378 p.

10. Хомский Н. Прибыль на людях : неолиберализм и мировой порядок / Н. Хомский [пер. с англ. Б. М. Скуратова]. – М. : Практик, 2002. – 245 с.
11. Mitchell W. Reclaiming the State : A Progressive Vision of Sovereignty for a Post-Neoliberal World / W. Mitchell, T. Fazi. – London : Pluto Press, 2017. – 292 p.
12. Mercille J E. Deepening Neoliberalism, Austerity, and Crisis : Europe's Treasure Ireland / J. Mercille, E. Murphy. – 1st ed. – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 220 p.
13. Fine B. Thirteen Things You Need to Know About Neoliberalism / B. Fine, A. Saad-Filho // Critical Sociology. – 2017. – № 43 (4/5). – P. 685–706.
14. World Social Report 2020 : Inequality in a Rapidly Changing World / United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2020. – 213 p.
15. David Guetta – Play Hard ft. Ne-Yo, Akon (Official Video). – URL: <https://youtu.be/5dbEhBKG0tY> (дата обращения: 01.09.2022).
16. Miss Sloane Official Trailer – Teaser (2016). – URL: <https://youtu.be/AMUkfmUu44k> (дата обращения: 01.09.2022).
17. Духless. Трейлер в HD. – URL: <https://youtu.be/FOMZe8ePtjY> (дата обращения: 01.09.2022).
18. Фишер М. Капиталистический реализм / М. Фишер ; [пер. с англ. Д. Кралечкина]. – М. : Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.
19. Shafer E. F. Partners' overwork and individuals' wellbeing and experienced relationship quality / E. F. Shafer [et al.] // Community, Work & Family. – 2018. – № 21 (4). – P. 410–428.
20. Laethem M. V. Bidirectional relations between work-related stress, sleep quality and perseverative cognition / M. V. Laethem [et al.] // Journal of Psychosomatic Research. – 2015. – № 79 (5). – P. 391–398.
21. Castillo A. P. Artificial Intelligence : a game changer for the world of work / A. P. Castillo // ETUI, The European Trade Union Institute. – 2018. – 11 p.
22. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Лассуэлл. – М., 2021. – 237 с.
23. Егорова А. О. Участие работников в распределении прибыли / А. О. Егорова [и др.] // Московский экономический журнал. – 2021. – № 1. – С. 397–402.
24. Козлова Н. В. Незаслуженно забытый? (К вопросу о правовом статусе производственного кооператива) / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2018. – № 6. – С. 34–43.
25. Perkins G. Analysing the impacts of Universal Basic Income in the changing world of work : challenges to the psychological contract and a future research agenda / G. Perkins [et al.] // Human Resource Management Journal. – 2022. – № 32 (1). – P. 1–18.
26. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Сочинения : в 6 т. Т. 4, ч. I. – М. : Мысль, 1965. – 544 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Чулков Д. И., аспирант кафедры политического управления факультета политологии
E-mail: chulkovdi@my.msu.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Chulkov D. I., Post-graduate Student of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science
E-mail: chulkovdi@my.msu.ru